

ОСЕННИЙ СОН

В обычной комнате обычного панельного дома в уютном сибирском городке случилась эта история.

Квадрат окна стал прозрачно-голубым, потом густо-синим и, наконец, бархатно-чёрным, с сияющими мелкими дырочками звёзд. Там, где-то в темноте, шуршали, срывались с насиженных мест сухие листья тополя. Поскрипывала тонкими ветвями рябинка. Тяжёлые грозди ягод наклоняли тонкие веточки к земле, прижимали друг к другу. Ветер-шалун, пользуясь ситуацией, репетировал на них свою скрипучую песенку. Шуршала синица, устраивая гнездо поближе к тёплому окну.

Всё жило и издавало шорохи и звуки. Почему же Никитка их раньше не слышал? Ведь тот же дом, и та же комната. Он лежал, смотрел в чёрный квадрат окна. Начинать даже считать дырочки-звёзды. Но умел считать только до тридцати, быстро сбивался и огорчённо вздыхал погромче. Он очень надеялся, что мама в соседней комнате услышит, догадается, что Никите не спится, и заглянет к нему в детскую.

Казалось, уже вся ночь прошла, а ему всё не спалось. Стало как-то не по себе. Шорохи листьев тополя стали складываться в слова:

– Ссстрашшно-ссстрашшно?

– Не-е спи-и-и-и, - тоненько и жалобно скрипела рябинка.

Никита накрылся одеялом с головой, оставил только маленькую щёлку, чтоб дышать. Мягкое пышное одеяло в голубом пододеяльнике со смелыми самолётками будто рассердилось на мальчика и неприятно кололось.

Никитка прямо через толщу одеяла видел полосатый, похожий на арбуз мяч. Он ехидно улыбался своими полосками в темноте. С полки под потолком свисал на бечёвках вниз головой воздушный змей, и ему явно было не до мальчика.

Никите стало жутко, и он уже хотел громко позвать маму, но вдруг увидел на столе разгорающийся огонёк. Совсем как светлячок, огонёк становился всё ярче, от него разливалось успокаивающее тепло. Мальчику стало любопытно. Он встал с кровати и, прямо без тапочек, босыми ногами подошёл к столу. Огонёк всё увеличивался, свет его теперь струился, как река, по ножкам стола вниз. Ковриком тёплым, живым разлился у ног мальчика. Ступни босых ног ощущали ласковое движение этого тепла. Оно поднималось всё выше к коленям Никитки, до подмышек его, и вот будто добрый великан подхватил его мягкими руками и поставил на стол.

– Странно, что же это я? На столе прямо ногами? – успел подумать мальчик.

Вокруг всё изменилось. Стало незнакомым, странным, огромным. Ноги у него подкосились, и он уселся на что-то упругое, пружинящее.

– Совсем наглость! Я вам не скаковая лошадь, чтоб на мне гарцевать! – голос, звучащий под Никитой, был тягучим, резиновым. – Немедленно встань! Я ещё тебе пригожусь! Иначе ты пожалеешь, что мне в Пенал-доме места не нашёл, бросил.

Никита пожал плечами, вскочил на ноги и побежал прочь по ровному полю стола. Впереди свет был ещё ярче, кружились какие-то хороводы. Подойдя ближе, мальчик ахнул. Прямые как палки, существа разного цвета с очень высокими, острыми, как башни, причёсками, высмеивали двух, похожих на них внешне, Фиолетового и Оранжевого. Островолосые кружили вокруг них, показывали пальцами и скандировали дразнилку. Медленно, но целенаправленно они оттесняли этих двух к краю поля. Намерения их были понятны, они хотели столкнуть эту парочку вниз. Бедняги Фиолетовый и

Оранжевый отличались от своих мучителей только тем, что причёски их не были уложены в конусообразные островерхие башни. Они просто торчали зубчатыми ёршиками.

– Что вы делаете? Они же сейчас сорвутся вниз и разобьются, – возмутился мальчик.

– Нечего было выделяться и хвастать, что умеют больше нас, нечего заявлять, что они главные! Теперь им только изгнание из нашего дома. Дом наш с очень давней историей. Носит гордое название Короб-дом. И все мы жили там дружно. Но сегодня эти двое заявили, что раз они умеют рисовать буквы, то переезжают в новый Пенал-дом. Вопреки правилам хорошего тона, они имели наглость сменить причёски. Это бунт! Это неуважение ко всему древнему роду КАРАН да ШЕЙ! – отвечали воинственно настроенные остроголовые почти хором.

Никита ничего, конечно, не понял, но он всегда принимал сторону того, кого обижали. Свет освещал стол, ровно ниспадая сверху. Стена темноты отвесно подступала к освещённому краю, и было понятно, что ещё мгновение – и Фиолетовый с Оранжевым исчезнут, сорвавшись со стола во тьме. Кинулся мальчик расталкивать разноцветных остроголовых, да не тут-то было... Оказалось, что он ростом не вышел. Каждому длинному чуть выше пояса. Оттолкнули они мальчика. Отлетел он и шмякнулся прямо на живот посреди стола-поля. Боли не было. Была обида: какие-то тощие остроголовые существа относятся к нему, Никите, как к пустому месту. Что он им сделал?

– Сам подумай! – голос был знакомым и раздался у самого уха.

– Если такое количество соревнующихся за любовь хозяина бросить без присмотра, обязательно начнётся война.

– Война?! Только этого сейчас не хватает! – воскликнул мальчик. – Что же делать?

– Нужно подружить их меж собой. Их древний род цветных КАРАН да ШЕЙ всегда возносился над простыми. В их гербе была радуга. А у простых и герба было не видно на общем сером фоне. В начале осени

гордый род Цветных уже много веков отмечает большой праздник Знания. К этому дню обновляются краски радуги на гербе. Все жители Короб-дома относятся с особым уважением к носителям цветов, составляющих радугу. Те же, в свою очередь, обязаны следить за состоянием своих островерхих причёсок. Но Фиолетовый и Оранжевый нарушили древние традиции. Накануне торжественного дня они вместе с простыми занимались запрещёнными делами. Вообразили, что их переведут на службу в Пенал-дом. Более того, они писали буквы, вместо того чтобы оттачивать остриё причёсок. Их настигла кара! Причёски пришли в негодность, и, когда наступил час обновления красок радуги, они не могли выполнять свою работу. Но и тут они поступили недостойно. Желая избежать наказания, послали вместо себя двух простых, даже не цветных, представителей рода. Стражники пропускали к гербу участников церемонии по счёту. Ведь радугу составляют семь основных цветов: Красный, Оранжевый, Жёлтый, Зелёный, Голубой, Синий, Фиолетовый.

И когда наступило утро, и розовый шёлковый занавес опустился и открыл герб во всём великолепии, все жители Короб-дома остолбенели. На месте оранжевого и фиолетового безобразно выделялись серые полосы. Вот почему эти двое должны быть изгнаны и уничтожены.

– Нет, надо найти выход, надо помочь им. – Никита хорошо помнил папины слова: «Из каждой сложной ситуации обязательно есть выход».

– Стойте, остановитесь, я знаю, что нужно делать! – но пока он не придумал ничего, просто тянул время.

Грозный хоровод остановился, и наступила тишина, головы повернулись к Никите.

– Если вы их сейчас столкнёте во тьму, то навсегда останетесь без радуги!

– Верно, верно, верно, – пронеслось над столом.

Длинные цветные жители стали перемещаться к мальчику, но Фиолетового и Оранжевого не оставили, тащили за собой.

– Нужно поступать честно, а не устраивать самосуд, – продолжил Никитка.

– Суд, суд, суд, – эхом вторили остроголовые. И, как по их зову, появилось ещё одно странное существо в чёрном одеянии.

– Госпожа Ручка, хозяйка Пенал-дома, – остроголовые почтительно склонились перед ней, как палки в кривом заборе:

– Что делать? Рассуди нас, госпожа Ручка!

– За то, что эти двое нарушили устав Короб-дома и задумали проникнуть в Пенал-дом, нужно отправить их на гильотину! Нужно сточить их до основания и стружки развеять по ветру!

– Нужно, нужно, нужно, – опять хором принялись скандировать остроголовые.

Оба виновника теперь лежали у их ног и боялись шелохнуться. Ближайшие к ним рассерженные цветные схватили их и потащили к странному прозрачному кубу с острым ножом внутри.

– Что-то я такое уже видел, – мелькнула мысль у мальчика, но додумывать её времени не было.

– Нет, не нужно! – закричал он. – Я знаю, нужно просто всё переделать!

– Как это переделать?

– Надо начать сначала, если не получилось, так мне мама говорит, а она всё знает! – Никита начинал сердиться, его не очень-то здесь слушали. – Пусть торжество ваше начнётся снова с утра, будто ещё его не было. А они всё исправят.

Фиолетовый и Оранжевый радостно закивали своими ёршиками и в своё оправдание стали, перебивая друг друга, говорить, что они не нарочно испортили причёски и не по своей воле писали буквы вместо простых карандашей.

– Хорошо, пусть будет так! – подвела итог Ручка.

Но как исправить? Никитку плотной стеной теснили цветные, островерхие к центру, откуда и исходил свет. Так вот он, герб! Действительно, в самом центре, где переливалась свежими цветами радуга, были уродливые тёмно-серые полосы вместо фиолетового и оранжевого.

– Я же говорил, что тебе пригожусь, – резиновый знакомый голос звучал насмешливо.

– Мастер Ластик пришёл, – зашептались цветные.

– Сотрём серые полосы и раскрасим нужными цветами, – мастер Ластик был прав, Никита сам догадался, как решить эту задачу. Но одно было непонятно – как это осуществить. Герб был высоко, Никитка слишком маленький, остроголовым по пояс, а герб возносился над их головами. И мастер Ластик как доберётся до радуги? Мальчик попытался допрыгнуть до неё, проверяя возникший план, но упал и больно ударился.

– Никита, вставай! Никита, вставай! – скандировали жители Короб-дома.

– Никита, вставай! Сегодня первое сентября. Мы идём в школу, – узнал мальчик тёплый и родной мамин голос.

Открыл глаза – и правда, уже светло. За окном весело галдят воробьи. На стуле висит отглаженная белоснежная рубашка.

– Первое сентября! Я иду в первый класс! – Никитка соскочил с постели, бросился к столу и ахнул! Раскатились по всему полю стола цветные карандаши, забытые Никитой с вечера. Рядом открытый пенал, а ластик, ручка и простой карандаш валяются рядом. У самого края стола, чудом не свалившись, карандаши фиолетового и оранжевого цвета.

И тут Никитка всё вспомнил: вчера он рисовал первое сентября. Когда писал печатными буквами слово «школа», то на букве «О» фиолетовый карандаш сломался. Ничего, заменил на оранжевый, и даже получилось красивее. Только от усердия так сильно нажал, ставя точку, что и у оранжевого сломался остро отточенный грифель. Потом мама позвала пить чай, и Никитка наспех докрасил радугу над школой простым карандашом.

Сейчас мальчик внимательно смотрел на рисунок, и ему было неловко. Ручку, простой карандаш и ластик бережно уложил в пенал. Чуть призадумался, держа в руке точилку: где-то он видел похожий предмет...

Вздыхнул и остро заточил сломанные карандаши, собрал остальные раскатившиеся по столу, уложил в картонную коробку.

С сегодняшнего дня Никитка школьник!